

Научная статья

УДК 340.130.54

DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14

Тенденции декодификации в современном российском законодательстве

Алексей Александрович Петров

Байкальский государственный университет
Иркутск, Россия

petrov-a-irk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

Аннотация

В статье на примерах из законодательной практики показано, что в целом ряде отраслей российского законодательства (гражданском, налоговом, административно-деликтном и др.) протекают декодификационные процессы разной степени интенсивности. Они проявляются в принятии федеральных законов, подрывающих ведущую, систематизирующую роль кодексов в системе правового регулирования. Отмечается, что в разных отраслях федерального законодательства сложились разные формы декодификации (принятие законов, не соответствующих кодексам; ограничение действия кодексов ординарными законами; установление разовых исключений из общего кодифицированного режима регулирования; необоснованно многочисленные исключения из требований общей части кодекса; нарушение границы регулирования между кодексом и законом о введении кодекса в действие; отступление от принципа полной кодификации и т. п.). Учитывая, что декодификация не только оказывает разрушительное воздействие на целостность системы законодательства, но и подрывает доверие к действиям государства, сделан вывод о необходимости выработки мер по повышению стабильности кодовой части законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова

кодекс, кодификация, отрасль законодательства, федеральный закон, введение в действие, юридическая техника, декодификация

Для цитирования

Петров А. А. Тенденции декодификации в современном российском законодательстве // Юридическая наука и практика. 2024. Т. 20, № 1. С. 5–14. DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14

Decodification Trends in Modern Russian Legislation

Aleksei A. Petrov

Baikal State University
Irkutsk, Russian Federation

petrov-a-irk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2009-0627>

Abstract

The article uses examples from legislative practice to show that in a number of branches of Russian legislation (civil, tax, administrative-tort, etc.) decodification processes of varying degrees of intensity occur. Their manifestation is the numerous cases of the adoption of federal laws that undermine the leading, systematizing role of codes in the system of legal regulation. It is noted that in different branches of federal legislation, different forms of decodification have developed (the adoption of laws that do not comply with the codes; restriction of the operation of codes by ordinary laws; the establishment of one-time exceptions from the general codified regulatory regime; unreasonably numerous exceptions from the requirements of the general part of the code; violation of the regulatory boundary between the code and law on the introduction of the code; deviation from the principle of complete codification, etc.). Considering that decodification

© Петров А. А., 2024

not only has a destructive impact on the integrity of the legislative system, but also undermines confidence in the actions of the state, it was concluded that it is necessary to develop measures to increase the stability of the code part of the legislation of the Russian Federation.

Keywords

Code, codification, branch of legislation, the federal law, implementation, legal technology, decodification

For citation

Petrov A. A. Decodification trends in modern Russian legislation. *Juridical Science and Practice*, 2024, vol. 20, no. 1, pp. 5–14. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2024-20-1-5-14

Кодификация традиционно рассматривается как один из важнейших механизмов обеспечения системности правового регулирования. Будучи разновидностью деятельности по систематизации в праве, кодификация обеспечивает эффективность правового регулирования, создает условия для упорядочения правоприменения [1, с. 491–492]. Отдельные ученые рассматривают кодификацию как наиболее совершенную форму систематизации нормативных актов [2, с. 37].

Обоснованно отмечается, что назрела необходимость в разработке теории кодекса, которая бы «осветила» его сущность, место среди других правовых актов, пределы и сферы применения [3, с. 23].

Вопросы качества кодифицированных актов, несомненно, приобретают дополнительную актуальность в настоящее время, когда в силу различных социальных, экономических и политических факторов правовое регулирование является чрезвычайно подвижным, изменчивым. Значение кодексов для развития отечественного законодательства на нынешнем этапе не оспаривается, более того, оно подчеркивается и самим законодателем (например, посредством закрепления в некоторых кодексах специальных правил о порядке внесения изменений в них; см., в частности, п. 2.1 ст. 3 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, ст. 8 Федерального закона от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»²). Вместе с тем в последние годы в целом ряде таких отраслей российского законодательства обозначились тенденции к эрозии их кодифицированных основ. Фактически по ряду направлений происходит постепенная декодификация правового регулирования, в том числе и в тех сферах, где еще недавно такого нельзя было даже представить.

1. Гражданское законодательство

Отечественное гражданское законодательство в силу огромного объема своего нормативного материала никогда не стремилось к полной кодификации. Как показывает мировой опыт, попытки осуществить такую кодификацию порождают настоящих монстров – например, Прусское общеземское уложение 1794 г. состояло из 19 208 статей, по поводу чего тогдашний король Пруссии заметил: «Но он [Закон] слишком велик, а законам подобает быть краткими!» [4, с. 408].

В силу этого возможность принятия федеральных законов, которые детализируют положения ГК и даже вводят новые правовые конструкции, прямо им не предусмотренные, не может отрицаться. В соответствии с ч. 2 ст. 3 ГК гражданское законодательство состоит из самого ГК и принятых в соответствии с ним иных федеральных законов, регулирующих отношения, составляющие предмет гражданского законодательства на основании п. 1 и 2 ст. 2 ГК; при этом нормы гражданского права, содержащиеся в других законах, должны соответствовать ГК. В науке и на практике вопрос о соотношении ГК и других федеральных законов воспринимается как дискуссионный [5, с. 359–364; 6, с. 196–201]. Однако какие бы дискуссии по этому

¹ СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

² СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

вопросу ни велись, они имеют свои пределы – предписание ч. 2 ст. 3 ГК не может рассматриваться как не имеющее регулирующего значения.

Следует отдельно обратить внимание на то, что возможность принятия гражданских законов вне ГК не обязательно должна быть прямо предусмотрена положениями самого ГК. Главным условием принятия таких законов является их соответствие ГК. Например, законодатель вправе посредством принятия отдельного федерального закона ввести новый вид гражданско-правового договора, не предусмотренный частью второй ГК, – такая возможность следует, в частности, из закрепленного в ч. 2 ст. 421 ГК принципа свободы договора, согласно которому стороны могут заключить договор, не предусмотренный частью второй ГК (в качестве примера можно привести договоры государственно-частного и муниципально-частного партнерства³). Однако таким путем нельзя предусмотреть возможность создания юридических лиц в организационно-правовой форме, не названной в п. 2 и 3 ст. 50 ГК, поскольку из этих предписаний с очевидностью следует, что закрепленный ими перечень организационно-правовых форм юридических лиц является исчерпывающим и может быть изменен только посредством внесения изменений в сам ГК.

Законодатель, между тем, далеко не всегда действует в рамках, определенных ч. 2 ст. 3 ГК. Более того, в законодательной практике сложились отдельные формы нарушения ограничений, наложенных на регулирование гражданских правоотношений федеральными законами вне ГК, наибольшее распространение из которых получили две:

– указание на то, что ГК в целом или конкретные его положения применяются к регулированию определенных правоотношений с учетом положений вновь принятого федерального закона или в части, не противоречащей ему. Например, в силу п. 21 ст. 51.3 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг»⁴ к договору репо применяются соответственно общие положения ГК о купле-продаже, если это не противоречит правилам настоящей статьи и существу договора репо. Положения ГК применяются в отношении экономически значимых организаций и лиц, прямо или косвенно владеющих акциями (долями в уставном капитале) таких организаций, с учетом особенностей, установленных Федеральным законом от 4 августа 2023 г. № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями» (ч. 2 ст. 13 названного Закона)⁵. На основании ч. 1 ст. 8 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁶ статус, цели деятельности, функции фонда и порядок формирования его органов управления определяются ГК и иными нормативными правовыми актами о некоммерческих организациях с учетом особенностей, установленных названным законом;

– указание на то, что ГК в целом или конкретные его положения не применяются к регулированию определенных правоотношений. Так, ч. 18 ст. 12 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 320-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О приватизации государственного и муниципального имущества”», отдельные законодательные акты Российской Федерации и об установлении особенностей регулирования имущественных отношений»⁷ устанавливает, что при преобразовании филиала (представительства) иностранного юридического лица в хозяйственное общество положения ст. 306 и главы 60 ГК не применяются. В силу п. 10

³ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 29 (Ч. I). Ст. 4350.

⁴ СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918.

⁵ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6202.

⁶ СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4765.

⁷ СЗ РФ. 2022. № 29 (Ч. III). Ст. 5287.

ст. 8 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях»⁸ в отношении религиозных организаций положения п. 5 ст. 50 и ст. 53.1 ГК не применяются.

Подобные оговорки в большом количестве встречаются в федеральных законах, регулирующих правовое положение отдельных юридических лиц. Например, согласно ч. 2 ст. 17 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 236-ФЗ «О Фонде пенсионного и социального страхования Российской Федерации»⁹ при реорганизации Фонда правила, установленные абзацем третьим п. 4 ст. 57 и ст. 60 ГК, не применяются, согласие кредиторов на перевод их требований не требуется.

Антикризисное законодательство в отдельных случаях допускает возможность установления правил о неприменении ГК даже посредством принятия подзаконных актов (см., напр., п. 13 ч. 1 ст. 18 Федерального закона от 8 марта 2022 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁰, на основании которого Правительство Российской Федерации в 2022 и 2023 гг. вправе принимать решения, предусматривающие перечень товаров (групп товаров), в отношении которых не могут применяться отдельные положения ГК о защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, выраженные в таких товарах, и средства индивидуализации, которыми такие товары маркированы).

2. Законодательство о налогах и сборах

Согласно Налоговому кодексу Российской Федерации (далее – НК РФ)¹¹, законодательство Российской Федерации о налогах и сборах состоит из НК и принятых в соответствии с ним федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах (п. 1 ст. 1). Значение НК определяется предметом его регулирования, который в силу п. 2 ст. 1 состоит в установлении системы налогов и сборов, страховых взносов и принципов обложения страховыми взносами, а также общих принципов налогообложения и сборов в Российской Федерации, включая определение видов взимаемых в Российской Федерации налогов и сборов, установление оснований возникновения (изменения, прекращения) и порядка исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов и т. д.

Особое место НК в системе законодательства Российской Федерации о налогах и сборах подчеркивается также правилом п. 7 ст. 1, на основании которого внесение изменений в законодательство Российской Федерации о налогах и сборах, а также приостановление, отмена или признание утратившими силу положений актов законодательства Российской Федерации о налогах и сборах осуществляются отдельными федеральными законами и не могут быть включены в тексты федеральных законов, изменяющих (приостанавливающих, отменяющих, признающих утратившими силу) другие законодательные акты Российской Федерации или содержащих самостоятельный предмет правового регулирования. Здесь следует заметить, что аргументированная критика против включения положений, регулирующих вопросы налогообложения, в «неналоговые» законы высказывалась еще задолго до принятия НК [7, с. 268–273].

Приведенные законоположения в совокупности устанавливают структуру законодательства Российской Федерации о налогах и сборах, исходя из главенствующей роли НК. Если предмет гражданского законодательства устанавливается для всей этой отрасли в целом (п. 1 и 2 ст. 2 ГК), то в случае с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах картина иная – определяя предмет регулирования НК, законодатель тем самым исключает регулирование соответствующих правоотношений иными федеральными законами (п. 2 ст. 1 НК).

⁸ СЗ РФ. 1997. № 39. Ст. 4465.

⁹ СЗ РФ. 2022. № 29 (Ч. I). Ст. 5203.

¹⁰ СЗ РФ. 2022. № 11. Ст. 1596.

¹¹ СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

Этот подход призван способствовать возможно более полной кодификации налогового регулирования. Следует заметить, что хотя п. 1 ст. 1 НК и предусматривает возможность принятия иных, помимо самого НК, федеральных законов о налогах, сборах, страховых взносах, но такие законы почти во всех случаях охватываются предметом регулирования НК, а значит, должны представлять собой законы о внесении изменений в НК.

Впоследствии, однако, сложившаяся структура законодательного регулирования в налоговой сфере стала меняться. Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹² ст. 1 НК была дополнена п. 8, на основании которого федеральными законами может быть предусмотрено проведение в течение ограниченного периода времени на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, муниципальных образований экспериментов по установлению налогов, сборов, специальных налоговых режимов; правоотношения, возникающие в ходе проведения указанных экспериментов, регулируются законодательством о налогах и сборах с учетом особенностей, установленных федеральными законами о проведении экспериментов. Тем самым стало допускаться принятие федеральных законов, регулирующих хотя и те же отношения, что сам НК, но не обязательно в соответствии с НК. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»¹³.

Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 415-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и статью 270 части второй Налогового кодекса Российской Федерации»¹⁴ включил в ст. 1 НК новую часть 9, которая предусмотрела возможность установления федеральными законами налогов разового характера; соответствующие правоотношения регулируются законодательством Российской Федерации о налогах и сборах с учетом особенностей, установленных такими федеральными законами; в частности, при установлении налогов разового характера может предусматриваться особый порядок определения элементов налогообложения. Эта возможность реализована в Федеральном законе от 4 августа 2023 г. № 414-ФЗ «О налоге на сверхприбыль»¹⁵. Нельзя не отметить, что, хотя оба названных федеральных закона были приняты одновременно и по существу представляют собой единое законодательное решение, Федеральный закон о конкретном разовом налоге некорректно получил более ранний номер, чем закон, предусмотревший саму возможность введения разовых налогов в НК; налицо неаккуратность законодателя в обращении с кодексами.

3. Земельное и лесное законодательство, законодательство о градостроительной деятельности

Эти три отрасли законодательства в рамках настоящей статьи рассматриваются совместно, поскольку значительную (на наш взгляд – негативную) роль в развитии их структуры играют федеральные законы о введении в действие соответствующих кодексов – Земельного¹⁶, Лесного¹⁷ и Градостроительного¹⁸.

¹² СЗ РФ. 2018. № 49 (Ч. I). Ст. 7497.

¹³ СЗ РФ. 2018. № 49 (Ч. I). Ст. 7494.

¹⁴ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6147.

¹⁵ СЗ РФ. 2023. № 32 (Ч. I). Ст. 6146.

¹⁶ Федеральный закон от 25 октября 2001 года № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 44. Ст. 4148.

¹⁷ Федеральный закон от 4 декабря 2006 года № 201-ФЗ «О введении в действие Лесного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 50. Ст. 5279.

¹⁸ Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. I). Ст. 17.

Вводные законы к кодексам являются по своей природе актами переходного регулирования и в этом качестве призваны обеспечить именно процесс введения кодексов в действие, а не долгосрочное правовое воздействие на отношения в пределах соответствующей отрасли. Однако в реальной правовой действительности вводные законы зачастую играют практически такую же важную роль, как и сами кодексы. Многие положения вводных законов, даже изначально сформулированные в виде переходных норм, по существу, превратились в постоянно действующие правила в силу сложности и затянутости процессов, направленных на переход от прежнего отраслевого правового режима к новому. Наконец, законодательная практика свидетельствует о том, что вводные законы стали рассматриваться законодателем как безразмерное хранилище предписаний, которые по тем или иным причинам не включаются в кодексы непосредственно.

Не вдаваясь в детальный анализ содержания вводных законов к Земельному, Лесному и Градостроительному кодексам, что само по себе заслуживает отдельного достаточно объемного исследования, выделим ряд признаков декодификационных процессов в соответствующих отраслях:

- включение в вводные законы норм, которые закрепляют основы правового регулирования в соответствующих сферах и действие которых во времени не ограничено определенным сроком или наступлением определенного события (совершением определенных действий, принятием решений органами публичной власти). Так, ст. 3 Вводного закона к ЛК установлено, что земли лесного фонда находятся в федеральной собственности. Другой пример – комплекс положений Вводного закона к ЗК, регулирующих вопросы разграничения государственной собственности на землю (ст. 3.1, 3.3–3.5); этот процесс продолжается более тридцати лет и фактически носит перманентный характер, что уже не позволяет рассматривать указанные законоположения как носящие переходный характер;

- включение в вводные законы оговорок о неприменении либо об особенностях применения соответствующих кодексов к тем или иным правоотношениям. Такого рода оговорки вполне допустимы, но они определяют рамки предмета регулирования кодекса и потому должны включаться непосредственно в кодекс, а не в вводный закон к нему (например, ч. 2 ст. 4 Градостроительного кодекса Российской Федерации¹⁹, согласно которой к отношениям, связанным с принятием мер по обеспечению безопасности строительства, эксплуатации зданий, сооружений, сноса объектов капитального строительства, предупреждению чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и ликвидации их последствий при осуществлении градостроительной деятельности, нормы законодательства о градостроительной деятельности применяются, если данные отношения не урегулированы иным законодательством). Между тем законодатель нередко ограничивает действие кодексов путем внесения изменений не в сами кодексы, а в вводные законы. В частности, в соответствии со ст. 10.7 Вводного закона к Градостроительному кодексу особенности осуществления градостроительной деятельности в связи с созданием территорий опережающего развития устанавливаются Федеральным законом «О территориях опережающего развития в Российской Федерации». Во Вводном законе к Градостроительному кодексу перечислено двадцать сфер общественных отношений, к которым Градостроительный кодекс Российской Федерации применяется с особенностями и ограничениями, которые определены другими федеральными законами. Следует также заметить, что такие оговорки часто включаются в вводные законы спустя много лет после принятия соответствующих кодексов.

¹⁹ СЗ РФ. 2005. № 1 (Ч. 1). Ст. 16.

4. Законодательство об административных правонарушениях

На федеральном уровне эта отрасль законодательства полностью кодифицирована: в соответствии с ч. 1 ст. 1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях²⁰ законодательство об административных правонарушениях состоит из КоАП и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях. С внешней точки зрения это требование выполняется – федеральные законы, которые бы вводили административную ответственность, не внося при этом изменений в КоАП, не принимаются (хотя существует дискуссия по вопросу о том, как соотносятся с КоАП нормы главы 16 НК, устанавливающие виды налоговых правонарушений и ответственность за их совершение [8, с. 23–28]).

Однако даже поверхностное исследование практики корректировки КоАП свидетельствует о том, что его назначение как акта, призванного стабилизировать административно-деликтное законодательство, к настоящему времени практически не реализуется. Наиболее явное тому свидетельство – количество законов о внесении изменений в КоАП (их принято почти восемьсот; подчеркнем, что речь о количестве всего лишь законов о внесении изменений в КоАП, а не самих изменений). Ни один кодекс – да, пожалуй, ни один федеральный законодательный акт вообще – не подвергался и не подвергается корректировке в таких масштабах. И если динамичность содержания Особенной части КоАП еще можно в целом оправдать динамичным развитием нормативного регулирования (следует помнить, что нормы КоАП являются по своей природе охранительными, т. е. вторичными по отношению к отраслевому законодательству и обеспечивают его надлежащую реализацию), то чрезмерная изменчивость его раздела I «Общие положения» не поддается разумному осмыслению. Не входя в полный анализ этой темы, выделим лишь два признака «декодификации изнутри», характерной для КоАП:

– в первоначальной редакции раздел I КоАП состоял из 35 статей, включавших в совокупности 93 части, а сейчас таких статей 43 (171 часть). Этот рост был достигнут в значительной степени за счет введения в общее регулирование административной ответственности многочисленных норм-исключений из ранее установленных правил (прежде всего, в части особых условий применения мер административной ответственности в отношении различных категорий субъектов ответственности, оснований назначения отдельных видов административных наказаний). Даже если согласиться с обоснованностью таких законодательных решений, нарастание объема общих положений КоАП в столь значительных масштабах уже само по себе свидетельствует о существенном «расшатывании» несущих конструкций законодательства об административных правонарушениях, а это, в свою очередь, сказывается на правоприменительной практике, усложняя принятие решений по конкретным делам;

– в разделе I КоАП имеются положения, которые корректировались законодателем десятки раз, причем зачастую это происходило ради того, чтобы создать правовую основу под «точечные» изменения в его Особенной части. Среди таких положений можно выделить, например, примечание к статье 2.4, где содержится легальное определение понятия должностного лица (22 изменения), абзац первый ч. 1 ст. 3.5, определяющий предельные размеры административных штрафов в твердой денежной сумме (102 изменения), ч. 1 той же статьи (где количество способов определения размеров административных штрафов увеличилось с трех в первоначальной редакции КоАП до восемнадцати), а также ч. 1 ст. 4.5, которая устанавливает сроки давности привлечения к административной ответственности (91 изменение). Подобная практика деформирует структуру межнормативных связей внутри КоАП – фактически сейчас общие положения этого кодекса корректируются в основном «в угоду» Особенной части, в то время как нормальный подход к совершенствованию кодифицированных актов предполагает обратную зависимость.

²⁰ СЗ РФ. 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 1.

5. Уголовное законодательство

Уголовное законодательство также является в Российской Федерации полностью кодифицированным: согласно ч. 1 ст. 1 и ч. 2 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации оно состоит из названного Кодекса, а новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК. Предметом УК является установление основания и принципов уголовной ответственности, определение того, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и установление видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера за совершение преступлений.

Как ни покажется удивительным, но признаки декодификации стали наблюдаться в последнее время даже в системе уголовно-правового регулирования. Если принятие федеральных законов об особенностях применения УК на территориях новых субъектов Российской Федерации²¹ можно объяснить и оправдать тем, что такое регулирование носит переходный и потому временный характер, то этого нельзя сказать о Федеральном законе от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции»²². Названным Законом, как указано в его ст. 1, установлены правовые гарантии и основания освобождения от уголовной ответственности лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации либо проходящих военную службу в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Обращает на себя внимание явная несогласованность между названием указанного Федерального закона и предметом его регулирования, как он определен в его ст. 1 – периоды мобилизации и военного положения, а также состояние военного времени могут быть связаны не только с проведением текущей специальной военной операции. Именно поэтому принятие названного Федерального закона в качестве самостоятельного законодательного акта, без включения его положений в УК, не может быть оправдано временным характером его действия.

Приведенный в настоящей статье перечень примеров проявления процессов декодификации законодательства Российской Федерации не является исчерпывающим. Тем не менее их достаточно для того, чтобы констатировать тревожный факт – тенденции дезинтеграции кодексной части законодательства набирают обороты. Не отрицая полномочий законодателя по формированию и совершенствованию структуры правового регулирования, подчеркнем: любые законодательные решения должны быть обоснованными, причем как с точки зрения их содержания, так и формы. В примерах, которые были приведены, такая обоснованность обнаруживается далеко не всегда²³. Кодексы, несмотря на то что действуют не во всех сферах, являются несущими конструкциями для законодательства в целом, они в систематизированном виде задают ориентиры его развития и применения. Справедливо суждение о том, что кодификация всегда была инструментом для создания наиболее простой пониманию и применению системы законодательства, преодоления хаоса источников права [9, с. 15]. Декодификация же, напротив, свидетельствует о нивелировании законодательной стратегии в угоду кратковре-

²¹ См., например, Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 91-ФЗ «О применении положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2296.

²² СЗ РФ. 2023. № 26. Ст. 4678.

²³ Следует оговорить, что сформулированные в настоящей статье критические замечания к отдельным законодательным решениям относятся именно к оформлению этих решений, а не к их содержанию. Последнее во многих случаях как раз может быть оправдано тактическими соображениями (например, необходимостью упрощения правового регулирования в рамках противодействия кризисам).

менным потребностям. В таких условиях структура законодательства становится менее определенной и менее предсказуемой, что подрывает принцип доверия к действиям государства. Один из возможных путей преодоления этих явлений состоит в организации всесторонней системной работы по сопровождению совершенствования кодексов. Примеры таких механизмов имеются, они хорошо известны и в целом доказали свою эффективность²⁴. Это позволило бы, на наш взгляд, в определенной степени упорядочить процессы развития не только самих кодексов, но и примыкающего к ним отраслевого законодательства.

Список литературы

1. **Алексеев С. С.** Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. М.: Статут, 2010. Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. 781 с.
2. **Шебанов А. Ф.** Нормативные акты советского государства. Лекции юридического факультета. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1956. 39 с.
3. Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Нижний Новгород, 25–26 сентября 2008 г.) / Под ред. В. М. Баранова, Д. Г. Краснова. Н. Новгород: Нижегород. акад. МВД России, Торгово-промышленная палата Нижегородской области, 2009. 1099 с.
4. **Кабрияк Р.** Кодификации / Пер с фр. Л. В. Головки. М.: Статут, 2007. 476 с.
5. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1469 с.
6. **Белов В. А.** Гражданское право. В 4 т. М.: Юрайт, 2022. Т. 1. Общая часть. Введение гражданское право: Учебник для вузов. 622 с.
7. **Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г.** Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: Учебное пособие. М.: ФБК–ПРЕСС, 1998. 592 с.
8. **Васильева Н. В.** К вопросу о видовой самостоятельности налоговой ответственности // Академический юридический журнал. 2016. № 1. С. 23–28.
9. **Султанов А. Р.** Мотивированное мнение налогового органа – ненормативный акт, который можно оспорить в суде? // Журнал административного судопроизводства. 2022. № 4. С. 13–21.

References

1. **Alekseev S. S.** Collected works. In 10 volumes [+ Reference. volume]. Vol. 3: Problems of the theory of law: Course of lectures. Moscow, Statut publ., 2010, 781 p. (in Russ.)
2. **Shebanov A. F.** Regulatory acts of the Soviet state. Lectures at the Faculty of Law. Moscow, Mosc. University publ., 1956, 39 p. (in Russ.)
3. Codification of legislation: theory, practice, technology: Materials of the International Scientific and Practical Conference (Nizhny Novgorod, September 25-26, 2008). V. M. Baranov, D. G. Krasnova (Eds.). Nizhny Novgorod, Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, Torgovopromyshlennaya palata Nizhegorodskoj oblasti, 2009, 1099 p. (in Russ.)
4. **Kabriyakh R.** Codifications. L. V. Golovko (Transl. from French). Moscow, Statut publ., 2007, 476 p. (in Russ.)

²⁴ См., например, Указ Президента Российской Федерации от 5 октября 1999 г. № 1338 «О Совете при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства» // СЗ РФ. 1999. № 41. Ст. 4904.

5. Basic provisions of civil law: article-by-article commentary on articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0]. Karapetov A. G. (Ed.). Moscow, M-Logos publ., 2020. 1469 p. (in Russ.)
6. **Belov V. A.** Civil law. In 4 vol. Vol. 1. General part. Introduction to civil law: textbook for universities. Moscow, Yurait publ., 2022, 622 p. (in Russ.)
7. **Gadzhiev G. A., Pepelyaev S. G.** Entrepreneur – taxpayer – state. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Textbook. Moscow, FBK-PRESS publ., 1998, 592 p. (in Russ.)
8. **Vasilyeva N. V.** On the issue of specific independence of tax liability. *Akademicheskij juridicheskij zhurnal*, 2016, № 1, pp. 23–28. (in Russ.)
9. **Sultanov A. R.** Is the motivated opinion of the tax authority a non-normative act that can be challenged in court? *Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva*, 2022, № 4, pp. 13–21. (in Russ.)

Информация об авторе

Петров Алексей Александрович, доктор юридических наук, главный научный сотрудник Института правовых исследований, профессор кафедры конституционного и административного права Байкальского государственного университета
SPIN 3715-7476

Information about the Author

Aleksey A. Petrov, Doctor of Law, Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
SPIN 3715-7476

*Статья поступила в редакцию 04.12.2023;
одобрена после рецензирования 12.01.2024; принята к публикации 07.03.2024*

*The article was submitted 04.12.2023;
approved after reviewing 12.01.2024; accepted for publication 07.03.2024*